

References:

1. Kristeva, Ju. (2000). Bahtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. In Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French semiotics: From structuralism to poststructuralism] (427–458). – Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
2. Mejkin, M. (1997). Marina Cvetaeva: pojetika usvoenija [Marina Tsvetaeva: poetics of assimilation]. – Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj Publ. (In Russ.).
3. Cvetaeva, M. I. (1994). Sobrannye sochinenija: v 7 t. [Collected works: in 7 volumes]. Vol. 7. – Moscow: Jellis Lak Publ. (In Russ.).

УДК 811.1+81-22'39

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ НА ПРИМЕРЕ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

И.А. Мужейко

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В данной статье рассматриваются адъективные устойчивые сравнения русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, в состав которых входят эталоны, называющие людей или человекоподобных вымышленных существ. В работе приводятся общие для указанных языков фразеологические единицы, свидетельствующие о сходствах национальных картин мира. Общность мировосприятия базируется на общечеловеческих принципах и общекультурных установках, присущих славянским, балтийским и германским лингвокультурам.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, антропоцентрический подход, национальная картина мира, эталон, лингвокультуры.

COMPARISON OF A PERSON WITH OTHER PEOPLE ON THE EXAMPLE OF ADJECTIVE SIMILES

I.A. Muzheyko

Vitebsk branch of the International University "MITSO"

This article deals with the adjective similes of the Russian, Belarusian, Czech, Bulgarian, Croatian, Latvian, English and Swedish languages, which include standards that name people or human-like fictional creatures. The paper presents phraseological units common to the indicated languages, which testify to the similarities of national pictures of the world. The common worldview is based on universal principles and general cultural attitudes inherent in Slavic, Baltic and German linguistic cultures.

Key words: similes, anthropocentric approach, national picture of the world, standard, linguistic cultures.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется рядом новых подходов к рассмотрению языков, таких как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология. Яркой особенностью указанных направлений можно считать усиление «антропоцентрического подхода к изучению языка, в русле которого внимание лингвистов перемещается с объекта познания на его субъекта, т.е. человека как носителя языка и представителя определенной культуры» [1, с. 193–194]. Такое явление объяснимо связью языка и культуры, «поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат сред-

ством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [2, с. 63].

Для более глубоко проникновения в свою и изучения других культур проводятся сопоставительные исследования, направленные на проведение анализа вербализации образа человека в двух или нескольких языках. Общеизвестно, что языки мира различаются не только лексическими, грамматическими, фонетическими и синтаксическими системами, но и на уровне национально-культурной специфики мировидения и миропонимания.

В данном сопоставительном исследовании с целью выявления общих фразеологических единиц рассмотрены адъективные устойчивые сравнения (АУС) русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков, эталонами которых выступают люди или человекоподобные вымышленные существа.

В языке человек хорошо представлен в поговорках, фразеологизмах, стереотипных выражениях и так далее, в связи с чем объектом нашего исследования выступают устойчивые сравнения. Благодаря универсальной структуре (субъект – основание – объект) сопоставление данных фразеологических единиц концентрируется на семантике, что оправдано приматом содержания над формой. Использование образных чувственно-наглядных конкретных эталонов устойчивых сравнений даёт носителю языка больше шансов глубже выразить идеи и избежать многословных пояснений. «Картина проще слов. Рисунок является пространственной моделью, отображающей то, как человек воспринимает окружающее его пространство» [3, с. 206].

Образность большинства устойчивых сравнений поддерживается благодаря тому, что понятна основа, на которой возникло сравнение, а также потому, что в них ощущается известная двуплановость: в качестве субъекта и объекта сравнения могут выступать слова, называющие либо разнородные понятия, либо понятия однородные, но различающиеся наличием/отсутствием или степенью проявления общего признака.

Образы, создаваемые при сопоставлении человека с другими людьми «строятся на абсолютизации частного признака индивида» [4, с. 96] и характеризуются:

а) по его родственным связям (русск. *заботливая, ласковая, добрая как родная мать* – бел. *сварлівы як свякроў* – чешск. *nastrojený jako ženich* – хорв. *uređen kao selska mlada* – лат. *tuvs kā brālis* – швед. *utstyrd som bondbrud*);

б) по социальному положению или роду занятий (русск. *грязный, черный, вымазанный как кочегар* – бел. *красівая як паненка* – чешск. *chytrý jako četník* – болг. *пиян като казак* – хорв. *zdrav kao pudar* – англ. *as fat as an alderman* – швед. *stolt som en engelsk lord*);

в) по его физическому (физиологическому) или моральному состоянию (русск. *красный как опаренный* – бел. *сонны як п'яны* – чешск. *bledý jako mrtvola* – болг. *бледен като смъртник* – хорв. *blijed kao mrtvac* – англ. *as dry as a mummy* – швед. *blek som ett lik*);

г) по возрасту (русск. *стройный как юноша* – бел. *рады як дзіця* – чешск. *pověřivý jako stará babá* – болг. *кротък като момиче* – хорв. *stidljiv kao djeva* – англ. *as innocent as a baby unborn* – швед. *oskuldig som ett barn*);

д) по национальности (русск. *аккуратный как немец* – бел. *чорны як мурын* – чешск. *černý jako cíkan* – лат. *melns kā moris*).

В различных культурах сформированы свои собственные представления об окружающем мире, а фразеологические единицы отражают оценочное отношение к нему. Но без точек соприкосновения сопоставление языковых единиц любого уровня было бы невозможно. В своих исследованиях мы исходим из идеи о том, что человек как биологический вид вне зависимости от национальной принадлежности обладает универсальными механизмами мышления. Это факт оправдывает появление идентичных единиц, в частности, устойчивых сравнений. Кроме того, сами сравнения являются средством познания действительности, а устойчивые сравнений – еще и оценивания

ее в образах-эталонах. Появление же специфических фразеологических единиц объясняется выбором и закреплением в сознании лингвокультур тех или иных образов. Ответ на вопрос, как срабатывает механизм градации «важное – неважное» могут дать и когнитивная лингвистика, и психолингвистика, если это в принципе возможно. Например, адъективные устойчивые сравнения русск. *черный как цыган (цыганка)* – бел. *чорны як цыган* ‘черный как цыган’ – чешск. *černý(á) jako cikán (cikánka)* ‘черный(ая) как цыган (цыганка)’ или русск. *черный как негр* – бел. *чорны як нігер* ‘черный как негр’ – чешск. *černý jako mouřenín* ‘черный как негр’ – лат. *melns kā moris* ‘черный как негр’ – швед. *svart som neger* ‘черный как негр’ могли возникнуть независимо, так как и цыгане, и негры обладают от смуглого до черного цветом кожи в отличие от славян, балтов и скандинавов.

Рассмотрение образов, характеризующихся родственными связями, начнем с образа матери – самого близкого человека в жизни любого человека. Но, к нашему удивлению, только в двух из исследуемых языков она выступает эталоном АУС, причем по-разному характеризуя субъект сравнения: русск. *заботливая, ласковая, добрая как родная мать* – бел. *дарагі як матка родная* ‘дорогой как мать родная’. Мерилом доброты в белорусском языке выступает *бабушка (добры як бабуля)*, в чешском – *ребенок (dobrý jako dítě)*. В латышском языке образ *брата* иллюстрирует крепость связывающих уз (*tuvs kā brālis* ‘близкий как брат’). Помимо родства по крови, мы выделили наименования будущих родственников, вступающих в брак: русск. *нарядный как жених* – чешск. *nastrojený jako ženich* ‘разодетый как жених’ – швед. *utstörd som bondbrud* ‘выраженный как невеста’. В чешском и шведском языках создается образ не просто нарядных, но вычурно одетых людей, и неудивительно, ведь на свадьбу традиционно надевали соответствующие обряду убранства, выглядящие нелепо в повседневной жизни.

В следующей группе представители «грязных» профессий стали эталонами испачканности у славян и скандинавов: русск. *черный как трубочист* – бел. *чорны як камінар* ‘черный как трубочист’ – чешск. *černý jako komíník* ‘черный как трубочист’ – швед. *svart som en sotare* ‘черный как трубочист’, русск. *грязный как трубочист* – бел. *мурзаты як камінар* ‘черный как трубочист’, русск. *черный как кочегар* и чешск. *černý jako uhlíř* ‘черный как угольщик’. Внешний вид кочегаров, угольщиков и трубочистов предопределил выбор данных работников эталонами загрязненности как тела, так и одежды.

Еще одна профессия в негативном ключе отражена в АУС русского и латышского языков (*пьяный как сапожник* – лат. *pīlns kā zābaks* ‘пьяный как сапожник’). Существует несколько версий, почему сапожники стали эталоном пьянства: то ли из-за малооплачиваемой работы в неотапливаемых будках, где от холода спасались горячительными напитками, то ли из-за неспособности моделировать и шить обувь, а только чинить ее. Неслучайно в немецком, испанском и итальянском языках для названия мастеров по изготовлению и ремонту обуви используют разные слова. Скорее всего, в русской и латышской культурах имелись ввиду именно вторые сапожники.

Общим для славян образцом женской красоты выступает *королева* или *принцесса*: русск. *красивая как королева* – чешск. *krásná jako princezna z pohádky* ‘красивая как принцесса из сказки’, а мужской – *Аполлон*: русск. *красивый как Аполлон* – чешск. *krásný jako Apollon* ‘красивый как Аполлон’. Смеем предположить, что первое указанное русское АУС заимствовано, так как царицы, а не королевы традиционны для русского общества. В чешском языке эталон *принцесса из сказки* отсылает нас в мир вымышленных героев эпоса, красота которых кратно превосходит человеческую, и в русском фольклоре в таких случаях говорится «ни в сказке сказать, ни пером описать».

Очевидно и заимствование АУС с образной основой *Аполлон* – именем древнегреческого и древнеримского бога, олицетворяющего мужскую красоту. Вероятно, эти фразеологические единицы пришли в славянские языки из памятников античной литературы.

Без отсылки к какому-либо конкретному богу используются АУС русск. *красивый как бог* – чешск. *krásný jako bůh* ‘красивый как бог’ – болг. *красив като бог* ‘красивый как бог’, однако, на наш взгляд, здесь подразумевается именно античный бог, а не христианский, так как в традиции церкви нет культа восхищения телесной красотой Иисуса.

Еще одно напоминание о влиянии культуры Древней Греции на европейскую цивилизацию прослеживается в АУС чешского *silný jako Herkules* и шведского языков *stark som en Herkules* соответственно.

Антропоморфные бестелесные существа – ангелы – также выступают образцом красоты в русском и чешском языках: русск. *красивый как ангел* – чешск. *hezky jako anděl* ‘красивый как ангел’. Помимо эталона красоты, ангелы выступают эталонами доброты и невинности также в славянских языках: русск. *добрый как ангел* – чешск. *dobrý jako anděl* ‘добрый как ангел’ – хорв. *dobar kao anđeo* ‘добрый как ангел’ и русск. *невинный как ангел* – чешск. *nevinný jako anděl* ‘невинный как ангел’.

Признавая экзистенцию духовных, бесплотных существ – богов, ангелов, демонов и других – человек, разумеется, не мог не сопоставлять в негативном аспекте с силами зла. Не вызывает удивления тот факт, что количество языков, в которых зафиксированы эталоны, называющие представителей темных сил, больше, чем тех, в которых упоминаются сила добра. Яркими примерами могут служить АУС с образной основой *черт/дьявол/сатана*: русск. *страшный как черт* – бел. *страшны як чорт* – чешск. *ošklivý jako čert/d'ábel* ‘страшный как черт’ – болг. *страшен като самия дявол* ‘страшный как сам дьявол’ – хорв. *ružan kao đavo* ‘страшный как дьявол’ – лат. *neglīts kā velns* ‘некрасивый как черт’ или русск. *злой как черт* – бел. *ліхі як чорт* ‘злой как черт’ – чешск. *vzteklý jako čert* ‘разъяренный как черт’ – хорв. *zao kao vrag* ‘злой как черт’ или русск. *хитрый как черт* – бел. *хітры як чорт* ‘хитрый как черт’ – чешск. *chytrý jako čert* ‘хитрый как черт’ – швед. *listig som satan* ‘хитрый как сатана’ и в меньшей степени *ведьма*: русск. *страшная как ведьма* – бел. *страшная як ведзьма* ‘страшная как ведьма’ – чешск. *ošklivá jako čarodejnice* ‘некрасивая как ведьма’.

Приведение как представление о душе умершего человека или мифического существа, проявляющееся в видимой форме, отразилось в качестве образца бледности в русском и английском языках: русск. *бледный как привидение* – англ. *as pale as a ghost* ‘бледный как привидение’.

Таким образом, рассмотренные образы людей и антропоморфных существ, используемых в качестве эталонов АУС ряда славянских, балтийских и германских языков, свидетельствуют о единстве представлений, основанных на общечеловеческих и общекультурных принципах. Наделение лиц определенной профессии, родственников, героев эпоса и мифов сходными характеристиками и закрепление их в устойчивых сравнениях подтверждает идею об универсальном миропонимании базовых понятий вне зависимости от национальности носителей языков.

Список источников:

1. Маркова, Е. М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках / Е. М. Маркова, Б. М. Эйсаи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2018. – № 3. – С.193–204.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
3. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имён : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
4. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 296 л.

References

1. Markova, E. M. & Eisawy, B. M. (2018). Vneshnost cheloveka ckvoz kulinarnuju metaforu v russkom i arabском yazykah [Person's external appearance through the culinary metaphor in the Russian and Arabic languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika*, 3, 193–204. (In Russ.).
2. Maslova, V. A. (2000). *Lingvoculturologiya* [Linguaculturology]. – Moscow: Academia Publ. (In Russ.).
3. Rakhilina, E. V. (2004). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and combinability]. – Moscow: Russkie slovari Publ. (In Russ.).
4. Lebedeva, L. A. (1999). *Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka vo frazeologii i frazeografii* [Russian similes in phraseology and phraseography]. – Krasnodar. (In Russ.).

УДК 811.161.1'38

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К.А. Грак

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Автором описаны состояние и перспективы коммуникативной стилистики, вышедшей за рамки стилистики текста. Художественный текст с позиции коммуникативно-деятельностного подхода понимается как сотворчество автора и читателя. Постижению авторского мировосприятия способствует исследование его идиостиля. Кроме того, обозначены направления коммуникативной стилистики: теория регулятивности, теория текстовых ассоциаций и теория смыслового развертывания. Читатель при помощи собственных ассоциаций может осмыслить картину мира автора и увидеть в тексте не только то, что выражено эксплицитно, но и то, что имеет имплицитный характер. Моделирование ассоциативных полей, а также установление смысловых отношений между ними используется в рамках коммуникативной стилистики для изучения смыслового развертывания текста и процессов читательского восприятия.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, художественный текст, идиостиль, смысловое развертывание.

COMMUNICATIVE STYLISTICS OF A LITERARY TEXT: STATE AND PROSPECTS

K.A. Grak

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

The author describes the state and prospects of communicative stylistics that have gone beyond the stylistics of the text. A literary text from the position of a communicative-activity approach is understood as the co-creation of the author and the reader. The comprehension of the author's worldview is facilitated by the study of his idiostyle. In addition, the directions of communicative stylistics are indicated: the theory of regularity, the theory of textual associations and the theory of semantic unfolding. The reader, with the help of his own associations, can comprehend the author's picture of the world and see in the text not only what is expressed explicitly, but also what is implicit. Modeling of associative fields, as well as the establishment of semantic relations between them, is used in communicative stylistics to study the semantic unfolding of the text and the processes of reader perception.

Key words: communicative stylistics, literary text, idiostyle, semantic unfolding.